

Цзинь Е смягчил голос, и в глубине его глаз мелькнуло мягкое выражение: То, что он сказал раньше, было правдой: у меня нет к тебе чувств, остались лишь воспоминания, от которых невозможно избавиться. Теперь же я чувствую, что он мне нравится!

Нравится он тебе? Чжуан Янь сжал зубы. — Сколько ты его знаешь? Что в нем тебе нравится? Ты просто хочешь найти утешение для самого себя. При твоём нынешнем положении ты можешь найти кого угодно в два счета, так зачем отнимать у меня самое дорогое сердцу, м?

Услышав это, Цзинь Е лишь слегка взмахнул веером, и на его улыбке застыл леденящий иней. — Ты впервые говоришь так много, это поистине удивительно. Чжуан Янь, разве жизнь людей не состоит из вечной борьбы за то, чего хочется? Он мне приглянулся, и я непременно поборюсь за него.

Вспышка раздражения захлестнула Чжуан Яня, ему до смерти хотелось прикончить ублюдка одним ударом, но если убить его, кто тогда спасет Маленького господина?

Он сдерживался изо всех сил и наконец процедил: Цзинь Е, он — мой человек!

Я знаю. Договорив, Цзинь Е сомкнул губы.

Спустя мгновение в окно подул ледяной, пробирающий до костей ветер, забираясь прямо под одежды Чжуан Яня. Ему еще никогда не было так холодно, казалось, мороз сковал самую душу.

Он сухо бросил: Хорошо. Можешь забрать его, а я отбью его обратно.

Конечно, можешь попробовать. Цзинь Е оттолкнул его клинок, достал из рукава маленький белый флакончик с лекарством и высыпал две черные пилюли, чтобы накормить Маленького господина.

Закончив, он наклонился, чтобы поднять Маленького господина на руки, но Чжуан Янь внезапно схватил его за запястье. Цзинь Е на миг замер и произнес: Одной пилюли недостаточно, чтобы он полностью исцелился.

Чжуан Янь вцепился мертвой хваткой, да с такой силой, что кости на запястье едва не хрустнули, и выдохнул: Нуо-Нуо любит поесть. Если он очнется и загрустит, не забудь приготовить его любимые лакомства, тогда он на время забудет о грусти.

Не переживай, раз уж я забрал его, то, разумеется, буду хорошо к нему относиться. Цзинь Е подхватил мальчика на руки и подошел к окну. Он уже собрался прыгнуть, как вдруг бросил: Чжуан Янь, вообще-то я очень хочу услышать ответ на один вопрос: ты веришь мне?

В глазах Чжуан Яня плескалась алая пелена. Глядя в лунный свет, он хриплым до неузнаваемости голосом ответил: Раньше верил. Но теперь тебя совершенно невозможно разгадать — да и важна ли тебе вообще вера?

Важна ли? Да кто сумел бы остаться к этому равнодушным!

Цзинь Е прижал к себе мальчика и выпрыгнул в окно. В синих одеждах он стремительно заскользил по крышам под сиянием полные луны. Наконец он остановился, замер на коньке крыши и медленно опустил голову.

Маленький господин уже открыл глаза, и в них переливались прозрачные слезы. Цзинь Е уголкам рта улыбнулся ему: Чжуан Янь больше не хочет тебя.

Спрыгнув вниз, он очутился возле роскошной золотой кареты.

Правил ей мальчишка-слуга лет шестнадцати. Увидев приближающегося Цзинь Е, он торопливо подбежал навстречу и спросил: Молодой господин, а он кто?

Мой человек. Цзинь Е уложил Маленького господина внутрь кареты. Эта повозка была гораздо роскошнее той, что купил Чжуан Янь, и весь салон был выстлан лучшим шелком.

Цзинь Е уселся рядом, после чего приказал слуге снаружи: Цинхань, гони карету домой.

Цинхань приподнял занавеску и бросил на мальчишку один взгляд. Он служил Цзинь Е много лет; его господин всегда строго соблюдал правила и никогда не приводил никого к себе, так что слуга невольно забеспокоился.

Он осторожно осведомился: Молодой господин, если мы приведем его... а что, если он узнает... не станет ли он чинить вам препятствия? Вы ведь помните, как в прошлый раз...

Когда это мою волю вершил кто-то другой? Просто гони карету и не суйся не в свое дело. — холодно бросил Цзинь Е.

Цинхань по праву считался доверенным лицом Цзинь Е, и задавая этот вопрос, он пекся исключительно о благе господина. Услышав недовольный тон, он покорно отозвался: Слушаюсь, — и тут же принялся править лошадьми.

В пути Маленький господин несколько раз просыпался, бессмысленно уставившись на крышу повозки, а затем снова смыкал веки. Так прошло время, и на рассвете они прибыли на место.

Цзинь Е на руках отнес парня в спальню и бережно укрыл одеялом.

Закончив с этим, он не удержался от легкой улыбки: Притворился спящим?

Ресницы Маленького господина дрогнули — ему вовсе не хотелось открывать глаза и видеть Цзинь Е.

Цзинь Е присел на край кровати и заговорил: Неудивительно, что Чжуан Янь так возился с тобой: мягкий, да и нрав покладистый. Давай-ка ты отныне останешься со мной навсегда, м?

Маленький господин по-прежнему молчал, демонстрируя полное нежелание общаться.

Цзинь Е вздохнул: Помнишь, что я сказал? Он тебя бросил. Это значит, что ты больше ему не нравишься и он не хочет, чтобы ты оставался рядом.

Вовсе нет! — Маленький господин еще не до конца оправился от действия лекарства, тело оставалось слабым, но стоило ему распахнуть глаза, как они вспыхнули пугающе ярким блеском. — Он бы никогда меня не бросил!

Это ведь я принес тебя сюда, неужели не помнишь? — Цзинь Е ткнул его веером в подбородок. — С этих пор ты мой человек. Нам нужно как можно скорее сыграть свадьбу, а потом будет брачная ночь. Ты вообще знаешь, что такое брачная ночь?

Маленький господин страшно разозлился и попытался вскочить, чтобы отлупить его, но сил не было: Я ни за что на свете не выйду за тебя! Я буду невестой только для старшего брата, не смей меня принуждать!

Твоего мнения никто не спрашивает. — Цзинь Е поднялся на ноги и велел стоявшей у дверей служанке: Пусть повар приготовит свои лучшие блюда, штук семнадцать-восемьдесят, чтобы стол ломился.

Разве не едой Чжуан Янь приманивал Маленького господина?

Что ж, стоит попробовать. Если это удалось другому, то удастся и Цзинь Е.

Вскоре служанки одна за другой внесли из кухни всевозможные яства. Каждое блюдо выглядело потрясающе красиво, оформленное самыми разными узорами, от одного их вида глаза радовались. Все кушанья были разными, пробуждая зверский аппетит.

Назло всему Маленький господин лишь мельком взглянул на них, и в нем не осталось и следа той радости, что он испытывал дома. Цзинь Е подошел, приподнял его и, держа в руке тарелку с голубиным мясом, предложил: Попробуй. Раньше ведь ты уплетал его за обе щеки, разве нет?

Маленький господин изящно сдвинул брови: Не хочу.

Капризничаешь? — Цзинь Е вдоволь налюбовался его бледным личиком и велел принести ложку. — Кормить тебя с ложечки? Так ты повеселеешь?

Маленький господин моргнул: А ты знаешь? Радость не так появляется. Цзинь Е, приведя меня сюда, ты не найдешь радости.

Не найду?

Цзинь Е не поверил. Терпение его стало иссякать, и он подцепил веером подбородок Маленького господина: Тун Юйнуо, просто будь счастлив. Я хочу видеть твою улыбку.

Но старшего брата нет рядом, я не могу радоваться. — На глазах Маленького господина навернулись слезы, которые он отчаянно пытался сдержать. — До чего же ты упрямый! Мы ведь могли стать друзьями, но ты ухитрился сделать так, что я тебя возненавидел.

Разве ты не ненавидел меня раньше? — Цзинь Е никак не мог уловить суть.

Я больше не хочу с тобой разговаривать! — Маленький господин выхватил из его рук тарелку и принялся запихивать голубиное мясо в рот, набивая его до отказа.

Видя, что тот согласился поесть, Цзинь Е успокоился и заметил: Здесь есть еще много вкусного. Стоит тебе остаться, и я найду для тебя что угодно, идет?

Щеки Маленького господина раздулись, но слова Цзинь Е влетели в одно ухо и вылетели из другого. Ему было больно, и нужно было заесть эту боль, а наевшись досыта, он обретет силы, чтобы отыскать Чжуан Яня.

Решив, что мальчик прислушался к нему, Цзинь Е взял со стола пиалу с кашей, зачерпнул ложечку и, сюсюкаясь как с малым ребенком, поднес к губам Маленького господина: Съешь ложечку.

Маленький господин яростно зыркнул на него и с хрустом разжевал косточки.

Вот же неблагодарный засранец. — Цзинь Е занес деревянную ложку, собираясь насильно влить кашу, как вдруг снаружи вихрем влетел Цинхань, прервав его движение.

Лицо Цинханя исказилось от ужаса: Молодой господин, о-он... он пришел!

Улыбка мгновенно сползла с лица Цзинь Е, пальцы испуганно дрогнули, и ложка изысканной мясной каши шмякнулась прямо на одежду Маленького господина.

Маленький господин впервые видел Цзинь Е в таком состоянии. Он молча пережевывал пищу, боясь выронить хоть звука и напугать Цзинь Е еще сильнее.

Цзинь Е бросил на Маленького господина быстрый взгляд, а затем сунул фарфоровую пиалу в руки Цинханю: С чего это он пожаловал? Сегодня вроде не его день.

Н-не знаю, он уже во дворе, ждет, когда вы выйдете. Вдруг... вдруг он прознал, что мы прячем здесь кого-то?

Цинхань трясся в лихорадке, всем своим видом изображая смертный ужас.

Похоже, снаружи объявилась та еще грозная персона.

Что это за человек, раз они так до смерти его боятся? Маленький господин с усилием сжал зубы: скорее всего, это тот самый человек, который жаждет их убить...

Цзинь Е нахмурился, поправил одежды и приказал: Никому не сметь издавать ни звука. С этими словами он натянул на лицо чарующую улыбку.

Едва он переступил порог комнаты, как Маленький господин расслышал низкий мужской голос — звучал он вроде бы мягко, но в каждом слове сквозила убийственная аура.

Мужчина произнес: Слышал, у тебя тут завелась красавица.

Цзинь Е прикрыл за собой дверь, отлично пряча истинные эмоции. Счастливая улыбка озарила его лицо: С чего это ты сегодня заглянул? Разве мы не договаривались, что пару дней не увидимся?

Если бы я не пришел, разве не подтвердились бы слухи о том, что ты прячешь в золотых покоях прелестницу? — Тот мужчина сделал несколько шагов вперед, и его взгляд упал на запертую дверь. — Открой!

Да что может быть в этой комнате? Всего лишь певец, которого недавно наняли! — Цзинь Е обвился руками вокруг его локтя, ослепительно и маняще улыбаясь.

Цзинь Е, твоё лицо создано лишь для того, чтобы очаровывать людей. — Мужчина наклонился, и его палец коснулся нежной, словно нефрит, щеки юноши. — Только вот верить тебе нельзя. Отомкни дверь!

В последнем слове отчетливо слышно тяжелое давление.

Персиковая улыбка на лице Цзинь Е вмиг померкла: Ну и что с того, что отворю? А если я и впрямь спрятал здесь возлюбленную? Разве у меня не может быть слабостей?

И что же ты предлагаешь? — Мужчина с силой надавил пальцем, отчего кожа на щеке Цзинь Е порозовела от нажима. — Я ведь могу вырвать его сердце прямо у тебя на глазах, чтобы ты полюбовался! Говоря это, он сузил свои глубокие глаза, злобно глядя на уже побледневшее лицо Цзинь Е, и с силой распахнул дверь перед собой.

В этот момент он увидел, что посреди комнаты на коленях сидит юноша в пестром наряде. Опустив голову, он перебирал своими нежно-белыми пальцами струны стоявшего перед ним гуцяня, искусно извлекая из них звуки.

Глупцы всегда твердят, что чувства длятся долго, а ветер, цветы, снег и луна — лишь остывающий чай... Ой, да кто же этот путник тоскливых ночей? Не более чем одинокая тень, глядящая из окна...

Голос был легким и мягким, поистине прекрасный голос для пения.

Это заставило того человека застыть в изумлении: неужели сюда действительно пригласили актера?

В этот запахнувший одежды Маленький господин поклонился Цзинь Е и произнес:

— Песни на сегодня для молодого господина уже спеты, этой скромной служанке пора возвращаться в павильон!

Пришедший в себя после недавнего испуга Цзинь Е наконец сообразил: певец — это переодетый Маленький господин, который теперь хочет воспользоваться моментом, чтобы отсюда сбежать.

Хотя умом он отличался, сейчас он почувствовал себя неловко.

Цзинь Е бросил многозначительный взгляд на Цинханя:

— Цинхань, проводи молодого господина Юйлянь в песенный павильон и непременно обеспечь его безопасность.

Разве Маленький господин не понимал, что тот имеет в виду? Он намеренно приставил к нему Цинханя, чтобы тот следил за ним и не дал сбежать. Маленький господин поспешно сменил тон:

— Не стоит, Юйэр — всего лишь простой актер, а молодому господину Цзиню лучше как следует принять дорогого гостя.

Эти слова начисто перекрыли Цзинь Е путь к отступлению. Тот слегка нахмурил брови, лихорадочно соображая, что ответить Маленькому господину:

— Молодой господин Юйэр, вы бы...

— Останься, — произнес тот человек. — Спой песню, я послушаю.

Этот ван послушаю? Этот ван... Регент, что ли?

Маленький господин догадывался, что положение у этого человека непростое, но никак не ожидал такого. Хотя его семья и была богатыми торговцами в уездном городе, они оставались лишь простолюдинами-купцами и никогда прежде не сталкивались с людьми столь высокого происхождения.

В сердце его закрался страх, однако любопытство взяло верх над страхом, и он медленно перевел взгляд, робко разглядывая незнакомца.

Регент выглядел внушительно, ростом он был примерно с Чжуан Яня. На его плечах покоился

черный плащ, черты лица были резкими — соболиные брови, тонкие губы, — и в целом от него исходила опасная, свирепая аура.

Осмотрев его, Маленький господин запутался еще сильнее.

Зачем Регенту понадобилось убивать Чжуан Яня?

Пока он ломал над этим голову, Цзинь Е боялся разоблачения, ведь Маленький господин всего лишь изображал актера, и поспешно вмешался:

— Песни ни к чему, послушаем в другой день.

Будь на месте гостя кто-нибудь другой, Маленький господин отделался бы парой песенок для виду. Но он оказался князем, причем, судя по тому, насколько его внешность соответствовала описаниям вроде бы всех людей на свете, он с огромной вероятностью был нынешним Регентом — Нань Хуайи.

Маленький господин испугался в душе:

— Ничтожна моя скромная особа, боюсь, как бы вашему высочеству не пришлось не по нраву мои песни.

— Всё, что нравится молодому господину Цзиню, нравится и этому князю.

С этими словами он широким взмахом руки притянул Цзинь Е в объятия, после чего подошел к кровати и толкнул его туда.

Прежде Цзинь Е всегда улыбался, но сейчас, когда в комнате находились посторонние, он с сопротивлением увернулся и произнес:

— В комнате еще люди, если кто-то увидит драгоценное тело вашего высочества, это поистине...

Нань Хуайи перехватил руку Цзинь Е, вытащил его складной веер и отбросил в сторону, а пальцы его скользнули вниз по подбородку и опустились на пояс.

Голос Цзинь Е слегка дрожал:

— Когда вокруг много людей, пропадет весь интерес.

Услышав это, в глазах Нань Хуайи промелькнула холодная усмешка. Он резким движением сорвал с Цзинь Е пояс и бросил:

— Остальные могут уйти, а тот, кто поет, должен остаться.

Что значило — оставить певца?

Нань Хуайи собирался оставить маленького господина смотреть, как они будут заниматься тем самым!

Это было унижением, растаптыванием в грязь той крохи гордости, что была у Цзинь Е!

Лицо Цзинь Е, всегда озаренное улыбкой словно цветок, постепенно побледнело. Он скривил губы в усмешке и произнес:

— Ваше высочество, неужели вы помните прошлое дело и нарочно унижаете меня?

— Унижаю? — Нань Хуайи сорвал с него верхнюю одежду и швырнул на пол, после чего склонился и впился зубами ему в шею. — Это милость, которую этот князь дарует тебе.

На сердце у Цзинь Е стало совсем холодно, и его руки перестали сопротивляться.

Он позволял Нань Хуайи ласкать себя как вздумается, но именно такая покорность напрочь отбила у Нань Хуайи всякий интерес. Он поднял руку и отвесил Цзинь Е пощечину.

— Ты что, смеешь отказывать этому князю? — Нань Хуайи сжал его подборок, заглядывая прямо в глаза, желая полностью уничтожить ту искру света, что теплилась в его взгляде. — Стоило полетать на воле несколько дней, как ты уже забыл, какую тварью являешься?

В глазах Нань Хуайи он никогда не был человеком.

Стоило ему провести на воле несколько дней, как он и впрямь возомнил себя птицей, способной летать.

Нань Хуайи с силой сжал его подбородок, а затем повернул голову к единственному оставшемуся в комнате человеку и приказал:

— Чего стоишь столбом, запевай для этого князя!

Голос его был свиреп, а тон — донельзя раздраженным и буйным.

Маленький господин испуганно вздрогнул и посмотрел на Цзинь Е, лежавшего на кровати.

Он не хотел петь, Нань Хуайи зашел слишком далеко в своих издевательствах. Но лежащий на кровати Цзинь Е бросил на него выразительный взгляд. Его исполненный отчаяния взгляд словно говорил: «Пой, иначе сегодня живыми отсюда нам не уйти».

Маленький господин впервые в жизни так сильно кого-то боялся. Слегка дрожа, он сел обратно, и его пальцы опустились на цинь. Стоило ему взять одну ноту, как он увидел, что Нань Хуайи разрывает на Цзинь Е одежду и, едва ли считая его за человека, грубо впивается в него

зубами.

У Маленького господина защипало в глазах. Он вспомнил, как сам когда-то бранил Цзинь Е, как чувствовал себя победителем, и даже не помышлял о том, что на самом деле вонзил несколько ножей в грудь Цзинь Е.

— Не заставляй меня повторять дважды! — Нань Хуайи рывком поднял Цзинь Е, усадил, зажав в собственных объятиях, и заставил смотреть на того, кто сидел внизу.

Голос Маленького господина охрип, а руки так дрожали, что мелодия рассыпалась.

— В южных краях красные бобы цветут, тоска по разлуке струнами в сердце поет, ветра попрошу я доставить привет к тебе...

Исполняя эту песню, он хотел дать понять Цзинь Е, что они с Чжуан Янем скоро отправятся в Цзяннань, и если Цзинь Е пожелает, они могут взять его с собой.

Кто же знал, что этот Нань Хуайи истолкует его слова по-своему и низким голосом протяжно повторит: «Красные бобы».

На прекрасном лице Цзинь Е не осталось ничего, кроме отчаяния.

Маленький господин больше не мог ни играть на инструменте, ни тем более продолжать пение.

Однако Нань Хуайи вознамерился растоптать последние крохи гордости Цзинь Е:

— Цзинь-господин любит сладострастные песни. Если не умеешь петь — я вырву твой язык.

Сладострастные песни, разумеется, пели блудницы в весенних павильонах, чтобы ублажать господ.

Разумеется, если бы он не затянул песню, Нань Хуайи укоротил бы век и ему, и Цзинь Е.

Господин тронул струны и, на ходу меняя слова, запел.

Следом Нань Хуайи принялся оскорблять Цзинь Е самыми грязными словами, заставляя его издавать звуки.

Этой ночью и Маленький господин, и Цзинь Е натерпелись немало мук.

Маленький господин решил про себя, что больше никогда в жизни не прикоснется к пению. Взгляд Цзинь Е был донельзя отчаянным: выражаясь точнее, смерти ему не давали, а улыбаться заставляли изо дня в день.

На глазах у постороннего Нань Хуайи полностью обнажил Цзинь Е, жестоко надругался над ним и прижал его спину сапогом.

— Советую тебе не пропускать мимо ушей то, что говорит этот ван!

Бросив это, Нань Хуайи попросту прошел прямо по его телу, наступив ногой.

Цзинь Е тут же закашлялся кровью. Его обнаженное тело сплошь покрывали переплетающиеся синяки и кровоподтеки — при одном взгляде на них мороз по коже продирали.

Впрочем, стоило ван уйти, как он ушел, больше не удостоив его ни единым взглядом.

Жестокое обладание на кровати было всего лишь выплеском звериной похоти.

Маленький господин выпустил из рук цинь и бросился поддержать его.

Но Цзинь Е заговорил хриплым голосом:

— Не подходи, убирайся!

Маленький господин опешил, после чего оставил цинь и вышел наружу.

Он не стал уходить далеко и присел на ступеньки перед домом.

Снаружи Цинхань снова и снова утирал слезы.

Маленького господина снедало тяжелое чувство. Глядя на припухшие кончики пальцев, он спросил:

— Разве Цзинь-господин всегда вот так? Почему, почему он не уйдет?

— Ты думаешь, уйти так просто? Да кто же захочет, чтобы его так топтали? Господин — человек такой гордый, а ван приходит каждый раз вот за этим...

И правда, кто по доброй воле согласится на такие муки? Всему виной безвыходное положение.

Цинхань всхлипнул несколько раз, а услышав звуки изнутри, поспешно потянул Маленького господина за рукав, не давая ему сидеть здесь:

— У нашего господина гордый нрав, он не любит, когда другие видят его в таком жалком виде. Пойдем в другое место, скорее, вставай.

Голос Маленького господина сорвался от пения, он глухо угукнул в ответ.

По дороге он все никак не мог взять в толк и спросил:

— А ван вообще любит Цзинь Е?

Шагавший впереди Цинхань замер, а в его голосе послышались рыдания:

— Наверное, нет. Разве станет тот, кто любит, вот так над господином измываться?

Маленький господин смутно стал понимать: Нань Хуайи просто воспринимает Цзинь Е как свою собственность, играет с ним, как заблагорассудится, и о каких-либо чувствах здесь речи не идет.

К счастью, у него есть Чжуан Янь, который любит его и дорожит им.

Не прошло и суток, как тоска пустила корни.

Маленький господин ужасно соскучился по Чжуан Яню.

В этот момент шедший впереди Цинхань раздраженно крикнул:

— Чего раскричались? Все вы, птицы, во всем виноваты! Если бы не вы, с чего бы Регенту

понадобилось приходить?

С этими словами он поднял с земли камешек, намереваясь швырнуть его в стену.

Маленький господин сразу заметил голубя, сидевшего на стене, и поспешно остановил Цинхань:

— Не бросай, они приносят в дом хозяина радость и удачу.

— Правда приносят? — с любопытством спросил Цинхань, зажав в пальцах камешек.

— Конечно приносят, мне братец так говорил: птицы прилетели — радость принесли. Маленький господин подошел, снял белого голубя, прикрыл его лапку рукавом и вытащил крошечную записку. — Бить их никак нельзя.

Сказав это, он прижал голубя к себе и погладил по головке.

<http://bllate.org/book/22273/2331763>